

Наступила глубокая ночь, и вся деревня погрузилась в безмолвную тьму. Лунный свет был словно холодный иней: цунь за цунем он скользил по межам, соломенным крышам, деревенским тропам и горным хребтам, будто набрасывая на всё сущее слой мертвенно-белой тонкой вуали; от одного взгляда становилось холодно до костей.

После ужина все умылись и разошлись по своим комнатам.

Цинь Жунши вошёл к себе и уже снимал верхнюю одежду, собираясь лечь спать. Но едва он приподнял край одеяла, как услышал стук в дверь. Он накинул одежду, подошёл и открыл дверь - и неожиданно увидел Лю Гуюя, который съёжился на пороге и, растирая руки, дрожал от холода.

— Уф! Холодно, пусти меня скорее!

Увидев, что дверь открылась, Лю Гуюй, втянув плечи, сказал это и, не дожидаясь ответа Цинь Жунши, прямо протиснулся мимо него внутрь. Двор семьи Цинь был довольно большим, и комнаты тоже не маленькие, но семья жила бедно. В комнате стояла только деревянная кровать и один шкаф, другой мебели не было вовсе, поэтому внутри казалось пустовато. Раньше, когда отец Цинь ещё был жив, в комнате Цинь Жунши было немало вещей: и стол со стульями, и письменный стол, а у стены стояла низкая полка, где лежали его книги. Жаль, потом с отцом Цинем случилась беда. Чтобы лечить его раны, семья продала всё, что можно было продать. Книги, кисти, тушь и бумага стоили больше всего, поэтому их продали первыми.

Увидев, как Лю Гуюй так прямо ворвался внутрь, Цинь Жунши на мгновение застыл. Придя в себя, он поспешно повернул голову и посмотрел на него.

Лю Гуюй только что вымылся и переоделся в чистое нижнее бельё. Тело его ещё было прогрето паром, кожа на щеках розовела. Вечером он не решился мыть волосы, боялся заболеть, если ляжет спать с мокрой головой, но кончики всё равно случайно намочил, и от него веяло лёгкой влажностью. Теперь чёрные волосы свободно рассыпались по спине, отчего черты лица казались куда мягче.

Цинь Жунши одним взглядом встретился с его влажными глазами и в следующую же секунду поспешно отвёл взгляд. На щеках у него вспыхнул странный румянец. Лицо его разом запылало. Лишь спустя долгое время он, запинаясь, открыл рот, словно ему было трудно произнести это вслух:

— Ты... как можешь посреди ночи входить в мою комнату!

Лю Гуюй вытаращил глаза и недовольно сказал:

— А почему нельзя входить? Что? У тебя в комнате деньги спрятаны?!

Глаза у него были круглые и яркие, а когда он так смотрел, становились ещё живее, сияли ярче звёзд за окном и словно затягивали в себя. Цинь Жунши в смятении отвёл взгляд; мочки ушей у него покраснели целиком, и лишь спустя долгое время он, запинаясь, сказал:

— Я мужчина, а ты к тому же моя старшая невестка. Как ты можешь вечером приходить ко мне в комнату!

Лю Гуюя его слова рассмешили. Нельзя было винить его за отсутствие осторожности: дело было в том, что больше двадцати лет он прожил мужчиной, и даже теперь, ясно понимая, что он гэр, гэр, который может выйти замуж, всё равно не мог по-настоящему вжиться в эту роль... особенно когда Цинь Жунши сколько лет-то? В прошлой жизни он был бы всего лишь в возрасте ученика средней школы!

Он похлопал Цинь Жунши по плечу и снова сказал:

— Ты не спеши волноваться, дай сначала мне поволноваться.

Цинь Жунши:

— ?

Что за странности снова несёт этот человек!

Цинь Жунши залился краской и совершенно не смел поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Но вскоре Лю Гуюй снова заговорил:

— Я видел, что у тебя на руках натёрлись кровавые мозоли. Когда коптильню складывал, содрал?

Сердце Цинь Жунши дрогнуло. Он повернул лицо и краем глаза взглянул на Лю Гуюя, только тогда заметив, что тот вошёл не с пустыми руками. В руке Лю Гуюй держал маленькую чашку с отколотым краем, а в ней лежала буро-зелёная густая мазь. Это была мазь для простых наружных ран, которую сама приготовила Цинь Баньбань.

Живя в деревне, трудно избежать ссадин и порезов: то кухонным ножом порежешь руку, то рубя дрова, зацепишь запястье острым шипом, то тяжёлой ношей натрёшь плечи... Если рана небольшая, этой мазью можно было пользоваться, и действовала она довольно неплохо.

На ладонях у Цинь Жунши натёрлись кровавые мозоли, но он считал это пустяком: даже если оставить как есть, через два-три дня само пройдёт. Он не думал, что Лю Гуюй это заметит.

Цинь Жунши застыл и, запинаясь, произнёс:

— Ме... мелкая рана, мазать лекарством не нужно.

Лю Гуюй обиженно поджал губы и покачал рукой, в которой держал чашку с мазью, недовольно пробормотав:

— Я ведь уже принёс!

Сказав это, он прямо усадил Цинь Жунши, сам присел на корточки у кровати, раскрыл обе его ладони и, набирая мазь, стал наносить её на кожу. При этом он наполовину шутя, наполовину наставляя, сказал:

— Маленький старомодный зануда, правил у тебя и правда много... Вот, это ведь руки, которыми ты будешь писать иероглифы, их надо хорошенько беречь.

Лю Гуюй склонил голову, несколько чуть влажных прядей у лба качнулись, и капля воды, висевшая на кончике волос, как раз упала Цинь Жунши на лицо. Она была прохладной, и от этого Цинь Жунши будто весь разом очнулся.

— Готово. Отдыхай пораньше, завтра ещё на рынок идти.

Нанеся мазь, Лю Гуюй поднялся и собрался уходить. Цинь Жунши не смел поднять голову и посмотреть на него, только опустил глаза на край его одежды. Этот человек, казалось, в любое время и в любом месте был очень счастлив; даже ходил легко, подпрыгивая, и полы одежды вслед за ним покачивались туда-сюда. Цинь Жунши опустил брови и глаза, голос его был низким и хрипловатым:

— Старшая невестка, тоже скорее иди спать.

Лю Гуюй не заметил ничего странного, ответил «угу», задул свечу и вышел за дверь, ещё и заботливо прикрыв её за собой. Только когда он ушёл, Цинь Жунши поднял голову и рукой стёр с кончика носа едва заметную каплю. Влажную, с чистым запахом мыльных бобов, словно аромат самых пышных и ярких трав и цветов весеннего дня. От этого сердце приходило в смятение.

На следующий день Лю Гуюй отлично выспался и поднялся только тогда, когда уже совсем рассвело. Он встал последним, но никто из-за этого не был недоволен. Цуй Ланьфан даже спросила, хорошо ли ему спалось.

Лю Гуюй отпил овощной каши и откусил гречишную пампушку. Сначала он кивнул, а уже в следующий миг удивлённо сказал:

— Эй! Матушка, эта пампушка на вкус совсем не похожа на то, что готовишь ты!

Цинь Жунши, сидевший напротив Лю Гуюя, едва заметно замер, но ничего не сказал.

Цуй Ланьфан рассмеялась и сказала:

— У тебя язык и правда острый! Даже это распробовал! Сегодняшний завтрак готовил эрлан. Не знаю, что с ним сегодня случилось: поднялся очень рано. Когда я встала, пампушки уже стояли на пару!

Да что там сварить овощную кашу и приготовить пампушки на пару - когда она поднялась, то ещё обнаружила во дворе развешанную одежду. Эрлан, оказывается, встал и всё выстирал!

Баньбань рядом тоже закивала и похвалила:

— Пампушки, которые приготовил второй брат, тоже вкусные!

На самом деле это был самый обычный вкус гречишных пампушек: не сказать, что особенно вкусно, но и придаться было не к чему. Однако по сравнению с мастерством Лю Гуюя всё же не хватало немало. Но второй брат был ее родным вторым братом, разве можно было его не поддержать!

А Цинь Жунши, ставший центром разговора, по-прежнему не поднимал головы и даже ни разу не посмотрел на Лю Гуюя. Только глухо сказал:

— Ешьте скорее. Поедим - ещё на рынок в город идти.

После еды они быстро вымыли чашки и палочки, взяли заплечные корзины и вышли из дома.

Поскольку сегодня они шли в город на рынок, Цуй Ланьфан и Баньбань оделись чисто и опрятно. Цуй Ланьфан ещё обернула волосы серо-синей тканью, а в низко уложенный пучок воткнула деревянную шпильку. В волосах Цинь Баньбань была заколка в виде цветов османтуса, купленная в прошлый раз на храмовой ярмарке; через плечо висела маленькая сумочка, подаренная магазином тканей семьи Се, и всё лицо её сияло радостью. Лю Гуй и Цинь Жунши часто ходили в город выставить лоток и уже привыкли выходить из дома, поэтому одеты были как обычно.

Сегодня был последний большой рынок перед Новым годом. Те семьи в деревне, что собирались запастись новогодними товарами, все выбрали именно этот день, чтобы ехать на рынок; даже повозок с волами, возивших пассажиров, было больше, чем у одного второго дядюшки Чжана.

Они постояли у въезда в деревню всего с четверть кэ, и вскоре увидели, как со стороны деревни Сяхэ едет воловьёв повозка. Заметив, что на ней ещё есть свободные места, они поспешно махнули рукой и остановили её. Несколько человек забрались в повозку и нашли свободные места, чтобы сесть.

В повозке, кроме возницы, уже сидели трое, все примерно одного возраста с Цуй Ланьфан: один фулан и две женщины. Когда они тоже забрались внутрь, стало восемь человек, и сидели уже плотно-плотно.

Те трое оживлённо болтали о всякой всячине. Один из них, тот самый фулан, сказал:

— Эй, вы слышали? Старший сын семьи Ци со своим фуланом развёлся! Говорят, потому что тот не мог родить ребёнка!

Другая, круглолицая женщина, удивлённо переспросила:

— Что? Старший сын семьи Ци? Ци Шань? Развёлся? Потому что его фулан не мог родить?

Фулан вытаращил глаза и поспешно сказал:

— Тьфу-тьфу-тьфу! Не его фулан! Сам Ци Шань! Это Ци Шань не может!

Другая женщина, высокая и худая, тоже влезла в разговор и пробормотала:

— А я-то слышала, что всё потому, что Ци Шань ни на что не годен. Там, в том месте... совсем бесполезный!

...

Услышав это, Цуй Ланьфан невольно прикрыла Баньбань уши; на лице её появилось неловкое смущение. Фулан заметил это и снова свирепо глянул на ту женщину, раздражённо сказав:

— Когда ты уже исправишь эту свою привычку держать рот без запора? Раскроешь пасть - и всё подряд наружу летит. Не видишь, что в повозке ещё девочка сидит?

Та женщина просто разговорилась от души и ничего вокруг не замечала. Только после напоминания она обнаружила, что в повозке сидит пара детей лет тринадцати-четырнадцати, особенно та девчушка: она как раз тарасила на неё чёрные блестящие глаза и смотрела так пристально, что женщине стало совестно.

Она смутилась, покраснела, хлопнула себя по губам и неловко сказала:

— Ой, сестра! Прости, прости! Вот ведь гнилой у меня рот!

Цуй Ланьфан смутилась ещё сильнее и с неловким лицом сухо рассмеялась.

А вот другая, круглолицая женщина, снова и снова оглядывала Лю Гуюя и остальных. Наконец она подвинулась ближе и с любопытством спросила:

— Вы ведь из деревни Шанхэ? Помню, фулан старшего сына семьи Ци как раз из вашей деревни!

Лю Гуюй рассмеялся и поправил:

— Бывший фулан, бывший фулан.

Круглолицая женщина тоже усмехнулась и ответила:

— Ай, да-да-да, бывший фулан, бывший фулан... Слышала, его бывший фулан из вашей деревни? Вы что-нибудь знаете? Сейчас в деревне все судачат, что это Ци Шань не может иметь детей! Так правда это или нет?

Лю Гуюй вытаращил глаза и тут же заговорил:

— Да это именно он не может иметь детей! Разве тут ещё может быть неправда?!

Он, словно давно со всеми знакомый, тоже придвинулся поближе и принялся болтать.

— Тётушка, вы ведь с матерью Ци Шаня из одной деревни, разве не знаете характер этой семейки? Если бы и правда был плох наш Чжу-гэр из деревни, разве его мать не стала бы скандалить? Разве согласилась бы на развод?

— Ай, в тот день она ещё прибежала в нашу деревню устраивать шум! Так ругалась, что вся деревня узнала! Сходите поспрашивайте: у нас в деревне Шанхэ кто не знает, что у этого Ци Шаня со здоровьем не порядок и детей у него быть не может! Всё равно за такого мужчину никто не осмелится выйти! У нас в деревне ещё говорят: теперь, когда будут присматривать семью для девушек и гэров, от той семьи Ци надо держаться подальше!

Лю Гуюй говорил так подробно и убедительно, с такими ясными доводами, и на лице у него не было ни тени смущения. Послушаешь - не похоже на ложь!

Трое жителей из деревни Сяхэ полностью поверили. Один из них ещё удивлённо сказал:

— Ци Шань-то негоден, но у их семьи ведь есть ещё второй сын, ему и двадцати нет, он ещё не женат!

Они не знали, что за скотские дела творили эти братья, и думали: пусть Ци Шань ни на что не годится, зато Ци Шу, может, хороший.

Кто бы мог подумать, что Лю Гуюй лишь поджал губы и с полным отвращением покачал головой.

— Они ведь родные братья! Старший брат не может иметь детей, кто знает, есть ли у младшего такие же проблемы?! Какая семья посмеет выдать туда дочь или гэра! А вдруг это явно сын их семьи не может иметь детей, но после свадьбы свекровь станет изводить именно невестку из-за отсутствия ребёнка! Тогда такую жизнь и жить не стоит!

Стоило им это услышать, как у них снова нашлось что обсудить!

— Есть в этом смысл! Та баба из семьи Ци и правда странная, постоянно обижала Чжу-гэра! Я, когда мимо проходила, часто слышала, как она его ругает!

— И ещё... я слышала, что семья Ци любит ходить к слепым гадателям выпрашивать тайные рецепты для рождения детей! И не боятся ведь человеку навредить!

— Ай, если так послушать, в их семью и правда нельзя выходить!

Под конец даже мужчина средних лет, правивший повозкой, повернул голову и пару раз посмотрел на них, а потом сказал:

— Эй! Кстати, родня моей жены из другой деревни! Её племянница как раз присматривается ко второму сыну семьи Ци! Надо мне вернуться и сказать им: в такую семью входить нельзя!

Лю Гуюй выполнил задачу, снова уселся рядом с Цуй Ланьфан, победно улыбнулся и наконец закрыл глаза, начиная клевать носом. Вообще-то он не так уж хотел спать, но воловья повозка покачивалась туда-сюда, покачивалась туда-сюда и всё-таки выкачала из него сонливость.

Цуй Ланьфан подумала, что этот гэр и правда хитрющий, и не удержалась от смеха.

Только когда Лю Гуюй задремал, Цинь Жунши осмелился повернуть голову и посмотреть на него; в глубине его глаз тоже пряталась улыбка. Лишь Цинь Баньбань всё это время сидела с ушами, прикрытыми матушкой, и теперь растерянно моргала, совершенно не понимая, о чём они говорили и чему смеялись. Она склонила голову, посмотрела то на одного, то на другого, а в конце тоже последовала за всеми и наивно улыбнулась.

<http://bllate.org/book/17177/1696874>